

Дьячкова Альбина Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова

**Г.В. КСЕНОФОНТОВ –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ
РЕЛИГИИ НАРОДОВ СИБИРИ**

Аннотация:

Известный этнограф, фольклорист Г.В. Ксенофонтов являлся воспитанником Иркутской научной школы этнографии и археологии профессора Б.Э. Петри. В центре внимания автора данной статьи – работы исследователя по шаманизму, опубликованные в конце 1920-х годов. Г.В. Ксенофонтов – один из первых профессиональных ученых, который занимался не только сборанием фольклорных материалов, но и исследованием шаманизма у народов Сибири. Ценность и уникальность его материалов состоит в том, что они собраны во время и на территориях, не затронутых техническим прогрессом. В статье рассматриваются работы, в которых ученый изучает аспекты зарождения и развития шаманизма у народов Сибири, приводит сравнительный материал из истории формирования ранних религиозных представлений у древних иудеев. Автора работ интересовала центральная действующая фигура шамана, сущность его мыслительной деятельности, а также сам ритуал камлания.

Ключевые слова:

Г.В. Ксенофонтов, шаман, якуты, буряты, мифология, фольклор, христианство, культ сумасшествия, легенды и рассказы, экспедиция.

Dyachkova Albina Nikolayevna

PhD in History, Associate Professor, World National History, Ethnology and Archaeology Department, North-Eastern Federal University

**G.V. KSENOFONTOV –
THE RESEARCHER OF TRADITIONAL
RELIGIONS OF SIBERIA PEOPLE**

Summary:

The Famous ethnographer and folklorist G.V. Ksenofontov, was a pupil of the Irkutsk scientific school of Ethnography and archeology of Professor Petri, BE. The author of this paper focuses on the work of a researcher on shamanism, published in the late 1920s. G.V. Ksenofontov – one of the first professional scientists who was engaged not only in collecting folklore materials, but also in the study of shamanism among Siberia people. The value and uniqueness of his materials is that they are collected promptly and on territories not affected by technological progress. The paper deals with the works in which the scientist studies aspects of the origin and development of shamanism among Siberia people and provides comparative material from the history of the formation of early religious beliefs among the ancient Jews. The author of the works was interested in the Central active figure of the shaman, the essence of his mental activity, as well as the ritual of kamlanie itself.

Keywords:

G.V. Ksenofontov, shaman, Yakuts, Buryats, mythology, folklore, Christianity, cult of madness, legends and stories, expedition.

Г.В. Ксенофонтов является одним из первых этнологов Сибири. Он заложил методические основы изучения верований и шаманизма у народов Восточной Сибири. Научное значение его работ в области этнографии и этнологии состоит в том, что данный регион, являясь частью Евразии, стал колыбелью народов, языки которых входят в алтайскую языковую семью. Это – тюркская, монгольская и тунгусо-маньчжурская группы языков.

Главной научной проблемой для Г.В. Ксенофонтова являлось происхождение народов, в частности, якутов. Любое научное исследование, связанное с этногенезом конкретного этноса, базируется на археологических, этнографических, фольклорных, языковых или антропологических источниках. Исходя из поставленных задач, ученому пришлось в течение ряда лет заниматься сбором полевых материалов посредством организации фольклорно-этнографических экспедиций.

Первые навыки экспедиционной работы Г.В. Ксенофонтов получил на кафедре истории первобытной культуры у профессора Б.Э. Петри в Иркутском государственном университете, куда прибыл в 1920 г. для получения второго высшего образования [1, л.7]. Он был дипломированным юристом с хорошей адвокатской практикой. Однако новой властью востребован не был. Здесь же он сразу был взят на работу ассистентом. В стенах исторического факультета Иркутского государственного университета усилиями Б.Э. Петри была создана археолого-этнографическая научная школа, своеобразная кузница научных кадров. Ее воспитанниками стали известные впоследствии ученые – археологи, антропологи, этнографы: А.П. Окладников, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, Г.В. Ксенофонтов и др. Они получили здесь хорошую теоретическую и практическую подготовку. Для археологов, да и для этнографов теплое время года: весна, лето и осень, – были самыми значимыми в деятельности. В этот период организовывались экспедиции. Отдельные их отряды в поисках археологических и этнографических материалов проникали в неисследованные уголки Восточной Сибири.

Первая исследовательская поездка Г.В. Ксенофонтова состоялась летом 1921 г. в составе экспедиции под руководством Б.Э. Петри. В программу деятельности экспедиции входило соби- рание этнографических материалов у якутов, бурятов, тунгусов и коренных народов Приамурья, а также археологическая разведка и поиски древних памятников. Для сбора материалов по до- христианским верованиям ученый был направлен в Якутскую область. Маршрут экспедиционного отряда пролегал вдоль р. Лены. По пути следования ученым были исследованы наскальные изображения на р. Лене. Позднее в архиве Г.В. Ксенофонтова было найдено много зарисовок и описаний этих наскальных изображений, выполненных его рукой. В это же лето он побывал в ближайших к г. Якутску наслегам Западно-Кангаласского улуса. В поездке были собраны истори- ческие предания, материалы по шаманству.

В дальнейшем ученый продолжил изучение дохристианских верований. Следующим летом, в 1922 г., он побывал в Аларском аймаке Бурятии, где собирал материалы по шаманским верованиям у бурят. Первые экспедиции стали для молодого этнографа определенным испытанием. Несмотря на то, что к каждой экспедиции он тщательно готовился, все предусмотреть было невозможно. Даже помощь членов этнографической секции Восточно-Сибирского отдела Рус- ского географического общества (в дальнейшем – ВСОРГО) в разработке программы экспедици- онных работ не давала гарантии успешной работы. Зачастую приходилось на месте ориенти- роваться, менять план, а то и отдельные пункты программы.

В 1923 г. Г.В. Ксенофонтов на целый год уезжает на север Якутии в с. Кюсюр (в настоящее время – с. Булун), совмещая свою работу с должностью секретаря Северного отделения Якут- ского наркомата торговли и промышленности [2, л.7]. Здесь он продолжил собирание материалов по шаманству. Внимание исследователя привлек во многом необычный фольклор северных яку- тов, их обычаи и нравы. Впоследствии эти материалы составили основу его концепции о склады- вании на протяжении сотен лет на севере Якутии обособленной этнической группы якутов-оле- неводо- со своеобразной традиционной культурой, героическим эпосом и этнической историей, задолго до заселения средней Лены скотоводами. Данная концепция автора вошла в 1-й том работы «Уранхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов», изданной в 1937 г. в Иркутске и переизданной в Якутске в 1992 г.

На север Якутии Г.В. Ксенофонтов попадает фактически впервые. Эта поездка стала для него серьезным испытанием в плане того, сможет ли он состояться в профессии этнографа-ис- следователя, но не кабинетного ученого, а полевого. Эта профессия предъявляла к соискателю серьезные требования и, прежде всего, в плане здоровья, и не всегда физического. Ситуация усложнялась еще тем, что Г.В. Ксенофонтов был не только этнографом, а этнографом-фолькло- ристом. Ему приходилось присутствовать в качестве наблюдателя на сеансах шаманских камла- ний и не раз. При этом вести записи и не поддаваться экстрасенсорному воздействию шаманов. И если прибавить к тому суровые условия зимы и постоянное напряжение, то не удивительно, что из поездки на север он приехал не вполне здоровым. Ученому пришлось продолжительное время основательно лечиться и восстанавливать свои силы и здоровье.

И наконец, в январе 1925 г., получив от якутского правительства финансовую поддержку, Г.В. Ксенофонтов приступил к самому большому путешествию, как по длительности, так и по охвату территории и объему собранного материала. Гавриил Васильевич возлагал большие надежды на эту экспедицию. Ему было очень важно обследовать западную часть республики с территориями, прилегающими к ее западным и южным границам. Экспедиция продолжалась пол- года. Маршрут путешествия пролегал по бездорожью и труднопроходимым местам (особенно весной) и охватил западные наслег республики, Нижнюю Тунгуску, север Красноярского края, восточные районы Южной Сибири, преимущественно Минусинскую котловину (часть современ- ной Хакасии) [3, л.7].

Этот маршрут был выбран не случайно. Ученому предстояло выяснить, насколько веро- ятна его идея о возможном проникновении с юга отдельных этнических групп через западные территории Якутии. И эта идея позже была положена в основу его гипотезы о том, что первоначальное проникновение южных скотоводческих предков якутов на среднюю Лену происходило через освоения западных территорий бассейна р. Лены. Экспедиция, в результате которой был собран богатый материал по материальной и духовной культуре якутов, эвенков, хакасов, позво- лила Г.В. Ксенофонтову во многом утвердиться в своем мнении.

После завершения экспедиционной деятельности, приведения в порядок и обработки со- бранных фольклорных и визуальных (рисунки, фотографии) полевых материалов Г.В. Ксенофон- тов приступил к следующему этапу исследования – их изучению и введению в научный оборот: публикациям и изданию работ. Для этого Гавриил Васильевич прилагал немало усилий. Местом его постоянного проживания оставался Иркутск, здесь он выступал перед научными организациями ВСОРГО с докладами, вел переписку с недавно созданным в Якутске научно-исследовательским

обществом «Саха кэскилэ». Так как он жил и работал в основном за пределами республики, а получал финансирование от якутского правительства, ему приходилось время от времени ставить в известность о своих научных планах якутское правительство и общественность республики и периодически представлять отчет о проделанной работе. По этому поводу в мае 1927 г. во время пребывания в Москве он был приглашен на встречу с ответственными работниками республики. Г.В. Ксенофонтов выступил с докладом о происхождении якутов, где изложил основные положения своей гипотезы. Это был своеобразный отчет о результатах его научной деятельности [4, л.14]. Доклад был заслушан с большим интересом, и ученый продолжил свою научную деятельность.

С конца 1920-х гг. Гавриил Васильевич начинает издавать свои полевые материалы, собранные в 1921 – 1925 гг. [5]. В сборник «Легенд и рассказов о шаманах...» вошли новые материалы, дополняющие представления о шаманстве: культ умерших шаманов, шаманские духи и др. Для удобства поиска и использования материалы в сборнике были систематизированы и распределены по четырем главам. В первую и вторую главы вошли легенды и рассказы о шаманах Западно-Кангаласского и Вилюйского улусов. В третью главу автор собрал легенды о шаманах, где наблюдаются следы культа рогатого скота. В четвертой главе представлены рассказы о шаманах у бурят и эвенков. В рассказах и легендах широко, с разных сторон, раскрыта фигура самого шамана. Исследователи подчеркивали исключительную добросовестность, скрупулезность ученого и точность в подаче материалов. Г.В. Ксенофонтов не случайно включил в один сборник легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. Его не покидала мысль о существовании единой идейно-мифологической основы шаманства у монгольских и тюркских народов Сибири. Эта идея получила поддержку одного из известных современных исследователей сибирского шаманизма Н.А. Алексеева [6].

В 1929 г. в Иркутске вышел второй сборник материалов по шаманству, в котором Г.В. Ксенофонтов проводил параллели между христианством и шаманизмом у сибирских народов [7]. Ранее эта идея была изложена известным русским востоковедом Г.Н. Потаниным в докладе «Происхождение Христа», который был прочитан в 1911 г. в г. Томске на одном из заседаний общества по изучению Сибири. В докладе была высказана необычная идея о том, что «в основе евангельской легенды о Христе лежит центрально-азиатская легенда, что образ самого Христа создан по образу, за много веков раньше существовавшему в глубине Азии» [8, с. 131]. В те годы Г.В. Ксенофонтов был студентом юридического факультета Томского университета и активно участвовал в работе студенческого кружка «Сибиреведение», создателем которого был Г.Н. Потанин. Доклад произвел на юношу неизгладимое впечатление. К этой идее он вернулся, когда стал вплотную заниматься изучением шаманизма.

В своей работе Г.В. Ксенофонтов проводит ряд параллелей между христианством и сибирским шаманством. Поиск сходных черт он начинает со сравнения образов Христа и шамана. Иисус представлялся когда-то простонародным медиком, изгонителем бесов. «По евангелиям, он вылечивает больных, одержимых бесами, прокаженных, глухих, слепых, воскрешает мертвых... Христос не только лекарь, но и пророк, который предвещает о грядущих переменах, он проповедник веры в истинного бога, он – обновитель жизни, он – воскресший Моисей» [9, с. 102].

По мнению Г.В. Ксенофонтова, «те же функции приписывались и якутским шаманам. Дар прорицания и предвидения – неотъемлемое свойство шаманов. Якутские и тунгусские шаманы каждую свою мистерию заключают предсказаниями присутствующим о том, что ожидает каждого из них в грядущем» [10, с. 105]. И сибирский шаман по своей профессии является народным медиком, который лечит всякие болезни колдовскими приемами. Он же – пророк, провидец грядущих бед и врачеватель душ, спаситель людей, гонитель зловредных бесов. «Шаман после своих страданий воскресает для проповеди, для жизни и деятельности..., тогда как Иисус воскресает, чтобы улететь в лазурные небеса» [11, с.108].

Сравнение автором мировоззрения древнееврейских пророков с шаманским привело его к мысли о том, что в шаманских воззрениях народов Сибири наблюдались представления, подобные мессианской концепции в христианстве. «Таким образом, идеи искупительных страданий и жертвы, идея второго пришествия спасителя, вообще, комплекс представлений, сводящихся к мессианским чаяниям, оказываются равно присущими и шаманистам» [12, с. 107].

Этим не исчерпываются поиски автором сходств и параллелей шаманских представлений и религиозных верований древних народов восточного побережья Средиземноморья. Но ясно одно: они проделаны ученым на основе использования широкого круга источников и на высоком профессиональном уровне. Поиски аналогий между религиями различных народов правомерны. В них, как в зеркале, могут отражаться этапы давно пройденного пути. И это отнюдь не означает, что между христианством и первобытными религиями ранних кочевников Центральной Азии прослеживается генетическая связь. Понимал это и сам исследователь, когда писал: «Христианские представления могут быть сопоставимы с шаманскими только в том случае, если эти параллели

берутся из первобытного народного «христианства», зародившегося в умах кочевников – древнееврейских племен» [13, л. 3-4]. Г.В. Ксенофонтов проявлял подлинный научный интерес к вопросам генезиса религиозного мышления. Его активные научные поиски, богатое воображение, большой опыт исследовательской работы позволили ему дальше и глубже других ученых продвинуться в вопросах реконструкции основ раннего христианства.

В 1929 г. в виде отдельного приложения к «Очеркам» было издано теоретическое введение к «Легендам...» - «Культ сумасшествия в Урало-Алтайском шаманизме» с предисловием А.П. Окладникова [14]. Наблюдения за сеансами шаманских камланий у «объявленных» северных тунгусов, за нервно-истерическим поведением шамана в момент камланий подвели автора к следующей мысли. С одной стороны, экстатические ритуалы древнего шаманского культа есть не что иное, как результат «настоящего душевного расстройства». С другой стороны, все это – результат сознательных действий шамана, когда он, начиная с периода подготовки к сеансу и в течение всей деятельности, сознательно доводил себя до экстаза: закатывал глаза, произносил нечленораздельные слова, производя при этом резкие хаотичные движения [15]. Такое состояние могло быть результатом как самовнушения, так и внешних воздействий. К ним относятся: возбужденное состояние людей, присутствующих в помещении во время сеанса и ожидающих чуда превращения, звуки барабанной дроби шаманского бубна и металлических предметов, пришитых к шаманскому костюму. И, наконец, гнетущая обстановка: темное помещение, слегка освещаемое приглушенным светом от догорающих углей в якутской печи – комельке, запах пота. Второе предположение более правдоподобно. Многочасовые сеансы камланий требовали от шамана большой выдержки, самообладания и физической выносливости. С подходом ученого согласны не все исследователи. «Резюмируя подобные наблюдения..., – писал С.А. Токарев, – известный исследователь шаманизма Г.В. Ксенофонтов прямо называет эту форму религии культом сумасшествия. Именно здесь и следует искать реальную основу шаманских верований» [16, с. 281–282].

В работе «Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока» (Иркутск, 1929) Г.В. Ксенофонтов рассматривал шаманизм народов Сибири «как остаток религиозных воззрений, свойственных передвижному скотоводческому хозяйству, господствовавшему в отдаленные исторические эпохи повсюду в пределах центральных Евразийских степей» [17, с. 268]. Для интерпретации полевых материалов по верованиям и шаманизму он обращался к мифологическим представлениям якутов. С целью проведения сравнительного анализа ученый изучал культуру и историю народов Древнего мира (цивилизации Древнего Востока и античных государств) и остановил свое внимание на мифологии Древней Греции и Палестины. Он проводил параллели между раннехристианской мифологией древних иудеев Палестины и мифологическими представлениями якутов, бурятов и, частично, тунгусо-маньчжурских племен.

Религиозные представления автор рассматривает как процесс поэтапного развития, связывая каждый этап с определенным культовым, обязательно ездовым, животным и природной средой. Зарождение начальных форм религиозных представлений, по мнению Г.В. Ксенофонтова, происходило у рыболовов-собаководов азиатского севера. Их дальнейшее развитие было связано с оленеводами-охотниками сибирской тайги. И только в южных степях Центральной Азии шаманские представления окончательно оформились в полнокровную жизнестойкую религию, сначала скотоводов-«быководов», затем дополнялись идеологией коневодов-кочевников [18, с. 268–271].

Интересен в представлении автора завершающий этап эволюции этой религии: одна часть носителей «бычьей» идеологии под натиском кочевников-«коневодов» отступила на юг, и с ними связано зарождение первых очагов цивилизации, а следовательно, надо понимать, и более развитой религии. А другая ее часть скрылась в сибирской таежной глуши, где происходила консервация шаманских представлений. Исходя из этого, Г.В. Ксенофонтов подошел к неожиданному выводу о том, что два исторических события: возникновение первых очагов цивилизации на Ближнем Востоке и господство в центрально-азиатских степях коневодческого хозяйства – происходили в одно и то же время [19, с. 270–271].

Обращение к вопросам зарождения ранних форм религиозных представлений, поэтапное изучение эволюции шаманства, сравнительный анализ раннехристианской мифологии древних иудеев – все это проделано исследователем впервые и на основе систематизации и критического анализа огромного материала. Однако схематичность и упрощенность концептуального построения делают его уязвимым и не вполне убедительным.

В процессе работы над материалами по верованиям и духовной культуре народов Сибири Г.В. Ксенофонтов начал формировать теоретико-методологические подходы для написания своего основного труда, посвященного ранней этнической истории и традиционной культуре народа саха – «Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов». Первый том монографии, посвященный происхождению вилюйской и северной этнических групп якутов, вышел в свет в 1937 г. [20]. Второй том автор планировал закончить к концу 1930-х гг., но не успел. В 1938 г. Г.В. Ксенофонтов был

репрессирован и вскоре умер. В качестве источниковой базы книги ученый предполагал публикацию собранных им мифов и исторических рассказов о первопредках народа саха – Эллэе и Омогое, связанных с происхождением основной группы якутского этноса Амгино-Ленского междуречья. Она была подготовлена к печати под названием «Эллэйада». Но так и не была издана. И только в 1977 г. по инициативе академика А.П. Окладникова книга вышла в издательстве «Наука» [21].

Иркутский период жизни и деятельности Г.В. Ксенофонтова приходится на 20-е – середину 30-х гг. – это время, когда он стал широко известным ученым, опубликовавшим интересные научные исследования, посвященные этнической истории и духовной культуре народов Восточной Сибири. Работы якутского этнографа стали общепризнанными исследованиями в стране. Широкий размах и диапазон использованных источников показывали подготовленность и широкую эрудицию автора. С одной стороны, его исследования и огромный полевой фольклорный материал по шаманству и верованиям народов Восточной Сибири соответствовали идеологическим потребностям молодой советской страны и использовались для проведения антирелигиозной пропаганды. Кроме того, они способствовали решению основных задач культурной революции. Таким образом, его работы отвечали научным, идеологическим, и практическим вызовам своего времени и страны.

С другой стороны, исследования Г.В. Ксенофонтова, опубликованные в 1920–1930-х гг., послужили хорошей источниковой базой для дальнейшего изучения религиозных верований и шаманства народов Сибири и Центральной Азии. В процессе собирания фольклорных материалов исследователь выработал свою методику и технику ведения записей, высокий профессиональный уровень которых делает их ценным и надежным источником. В научный оборот было введено много новых материалов, которые отражали малоизвестные стороны шаманства.

Работы ученого, опубликованные в конце 1920-х годов, стали библиографической редкостью. После репрессии большая часть его книг была изъята из библиотек и уничтожена. То немногое, что удалось найти, было выпущено в 1992 г. – в издании «Шаманизм. Избранные труды» [22]. Выход книги был приурочен к международной конференции «Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции» (Якутск, 1992 г.).

Значение исследований и вклад Г.В. Ксенофонтова в науку не ограничиваются созданием фонда материалов по шаманской мифологии. 1920-е годы – это время начала изучения шаманства в нашей стране. И Г.В. Ксенофонтов являлся одним из первых исследователей шаманизма, который поднял его до уровня научной проблемы. Тщательный и скрупулезный анализ материалов по шаманскому фольклору позволил ему найти правильное решение многих вопросов шаманизма. Это дало возможность определить вектор будущих исследований в данной области.

Ссылки:

1. Архив ФИЦ ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.1. Ед.хр.133. Л.7.
2. Там же. Ед.хр.133. Л.7.
3. Там же. Ед.хр.133. Л.7.
4. Там же. Ед.хр.137. Л.14.
5. Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов // Приложение к сб. Очерки изучения Якутского края. Вып. II. Иркутск, 1928.
6. Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984.
7. Ксенофонтов Г.В. Хрестес. Шаманизм и христианство. Иркутск, 1929.
8. Потанин Г.Н. Происхождение Христа // Сибирские огни. 1926. № 4: июль – август. С. 131.
9. Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды. (Публикации 1928-1929 гг.). Якутск, 1992. С.102.
10. Там же. С. 105.
11. Там же. С. 108.
12. Там же. С. 125.
13. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 3–4.
14. Ксенофонтов Г.В. Культ сумасшествия в Урало-Алтайском шаманизме (К вопросу об «умирающем и воскресающем боге») / С предисл. А. Окладникова. Иркутск, 1929. 19 с.
15. Там же.
16. Токарев С.А. Ранние формы религии / Под общ. ред. В.П. Алексеева. М., 1990. С. 281–282.
17. Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды. С. 268.
18. Там же, С. 268–271.
19. Там же. С. 270–271.
20. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар : Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937. Т. 1.
21. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М. : Наука, 1977.
22. Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды. (Публикации 1928-1929 гг.). Якутск, 1992. 318 с.

Редактор: Плеханова Юлия Васильевна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович